

УДК 81'27

ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В ГОРОДСКИХ СТЕРЕОТИПАХ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ

Екатерина Сергеевна Худякова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. khudiakova.es@gmail.com

В статье рассматриваются причины коммуникативных неудач в городских стереотипных ситуациях общения (городских стереотипах) с участием иностранцев-китайцев. Представлена классификация коммуникативных неудач по степени достижения цели коммуникации: от абсолютной неудачи до абсолютно удачной коммуникации. Дана частотная характеристика каждого типа коммуникативных неудач: показано, что абсолютная коммуникативная неудача – самый редкий случай в городской коммуникации. Преодоленные коммуникативные неудачи и абсолютно удачная коммуникация занимают ведущее место в городском общении. В статье описаны причины, которые приводят к возникновению каждого из типов коммуникативных неудач. В случаях с абсолютной неудачей это нарушение коммуникативных норм носителями русского языка и лингвистических норм – иностранцами. Преодоленные коммуникативные неудачи возникают при нарушении лингвистических или коммуникативных норм китайцами и одновременном использовании русскоязычными участниками коммуникации четырех тактик: игнорирования ошибки, переспроса, экспликации или опоры на конситуацию.

Ключевые слова: коммуникативная неудача; городской стереотип; коммуникативные нормы; стратегии компенсации коммуникативных неудач; диалогическое общение.

В современной России на улицах всех крупных городов можно увидеть множество иностранцев: туристов, бизнесменов, студентов. Естественно, что они включаются в повседневное общение в городской среде.

Городское общение организовано рядом стандартных повторяющихся ситуаций, в которых говорящие реализуют речевые автоматизмы. Для описания таких ситуаций М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова предложили понятие городских стереотипов – «малых жанров разговорной речи, которые реализуются в ситуациях повседневного городского общения между незнакомыми людьми в форме определенного набора речевых и прагматических клише» [Китайгородская, Розанова 2010: 258–259]. Набор таких ситуаций ограничен: так, в работе «Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы» описаны жанровые континуумы, реализующиеся в транспорте, на улице (вопросы о местоположении объектов и несколько устаревший вопрос о времени), в магазине, в аптеке [там же]. Поэтому целью данной работы является не описание моделей городских стереотипов, а установление особенностей их реализации, когда один из участников общения – иностранец, вла-

деющий русским языком. Новизна подхода заключается в поиске причин коммуникативных неудач не только в речевом поведении инофона, но и в коммуникативных актах русскоязычного участника коммуникации.

Многие учебники по русскому языку как иностранному включают презентацию городских стереотипов, при этом и наши наблюдения, и утверждение М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой подтверждают неадекватность, искусственность представления этих стандартных коммуникативных ситуаций в учебных пособиях по РКИ [там же 2010: 273]. Иностранцы, познакомившиеся с городскими стереотипами по книгам, оказавшись в реальной городской среде, естественно, испытывают затруднения. Поэтому в работе поставлена проблема оценки реализации городских стереотипов с участием инофонов, особенно в аспекте соблюдения или нарушения участниками коммуникации стандартной модели стереотипа.

Модель описания городского стереотипа, предложенная М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, включает общую оценку коммуникативной ситуации (в том числе описание микроситуаций в рамках более комплексной, крупной ситу-

ации, характеристику партнеров коммуникации и их ситуативных ролей, а также перечисление реализуемых жанров речи) и собственно жанровое описание (жанровую модель, текстовые особенности реализации жанра и частотное распределение вариантов реализации жанра) [там же: 278].

Как отмечают авторы, отступление от стереотипа общения может стать причиной коммуникативной неудачи [Китайгородская, Розанова 2010: 259].

В общем виде коммуникативную неудачу (КН) понимают как ситуацию, в которой не достигнута цель общения. М.Н. Смирнова включает в КН также случаи, когда «при воплощении коммуникативного замысла адресанта возникает незапланированный негативный эмоциональный эффект» [Смирнова 2003: 7]. В ситуации городского общения абсолютная КН (полностью не достигнута цель коммуникации) встречается крайне редко, так как это общение направленное на достижение определенных практических результатов, максимально зависящее от экстралингвистической ситуации. Работа с понятием КН всегда интерпретативна, поскольку предполагает описание или психолингвистических причин, или социолингвистических эффектов неудачи. Так, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова среди причин КН называют недостаточное владение навыками общения в городе, несоблюдение норм этикетного речевого поведения, невладение предписанными ролью стереотипами, отход от привычной тематики разговора [Китайгородская, Розанова 2010: 261–262]. Близкая классификация причин КН представлена в работе [Кънчева 1999: 9]: нарушения хода интеракции, правил организации дискурса, информационного обмена и правил учета статусных ролей коммуникантов. М.Ю. Федосюк, рассматривая случаи диалогического общения, называет следующие причины КН: неверное определение цели высказывания, нежелание или невозможность реагировать на высказывание (при верно распознанной цели), незапланированное эмоциональное воздействие на адресата [Федосюк 1997: 71]. Как видим, все эти классификации причин КН ориентированы на общение между носителями одного языка.

В целом успешность коммуникации в стандартной ситуации определяется владением коммуникативными нормами – многокомпонентными нормами, включающими ортологические, функционально-стилистические, этикетные, этические и жанрово-ситуативные нормы [Захарова 1999: 78]. Этические и жанрово-стилистические нормы связаны с тональностью речи, специфиче-

ской окраской, характеризуемой в терминах вежливого/невежливого, толерантного/агрессивного общения [Богданова, Кочеткова 2007; Земская 1994]. Однако к КН в случае, когда одним из коммуникантов является инофон, могут привести не только нарушения коммуникативных норм.

Специально ориентированная на общение с инофоном классификация причин КН включает сложности, связанные с уровнем владения языком (неверное кодирование или декодирование высказываний), концептуальные и стратегические сложности (выбор неадекватных ситуации речевых актов, что сближает классификацию с прагматическими ошибками носителей языка), операциональные сложности, например, игнорирование инпута при вероятностном прогнозировании ситуации, задержки ответов из-за более проблемного и эксплицитного планирования высказываний иностранцем [House 1993: 170]. По-видимому, операциональные (психолингвистические по своей природе) проблемы при наблюдении практически неотличимы от проблем кодирования (собственно языковых). Как видим, причины КН описываются не всегда последовательно, поэтому задачами статьи стали:

- 1) сбор материала, иллюстрирующего городские стереотипы с участием иностранцев;
- 2) характеристика коммуникативных неудач и их социо- и психолингвистических причин;
- 3) анализ нарушений коммуникативных норм со стороны обоих коммуникантов и причин таких нарушений.

Материалом исследования выступили 23 аудиозаписи диалогов, демонстрирующих городские стереотипы с участием иностранцев. Общее время звучания 47 минут 24 секунды. Все участники общения – китайские студенты, обучающиеся на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета, мужчины и женщины, владеющие русским языком на достаточно высоком уровне и проживающие в России не менее одного года до момента записи. Запись велась методом «один речевой день» [Звуковой корпус как материал для анализа русской речи 2013]; Для анализа из общего массива материала отбирались записи, характеризующие городское общение (учебные ситуации, дружеское общение и общение только на китайском языке не рассматривались).

Методы анализа включали семантический анализ, функциональный анализ и интерпрета-

цию (психолингвистических причин и прагматических эффектов).

Исследование хода коммуникации производилось по модифицированному алгоритму анализа, предложенному Я. Корженским и др. [Kořenský a j. 1990] (нами добавлен п. 5, необходимый для описания специфики диалогического текста):

- 1) установление структуры коммуникативной ситуации (ролей и статусов коммуникантов, места и времени);
- 2) характеристика владения коммуникативными нормами каждым из участников общения;
- 3) прагматические характеристики коммуникативной ситуации – цели, стратегии, ходы коммуникантов;
- 4) тематическая характеристика коммуникативных актов;
- 5) структура диалогического текста, в том числе тип диалога (в терминах, предложенных И.Н. Борисовой), характеристика минимальных диалоговых единств и характеристика коммуникативного вынуждения.

Опишем методику анализа подробнее. Поскольку все анализируемые диалоги были разной длины – от простых одноинтенциональных, состоящих из трех реплик, до сложных, длительностью до 7 мин. (выбор конфет в кондитерском магазине), необходимо было ввести критерии частоты коммуникативной неудачи и частоты нарушения норм. Для этого структура стереотипа, вслед за И.Н. Борисовой, рассматривалась как состоящая из «диалогических эпизодов»: каждый соответствует конкретной коммуникативной ситуации с минимальным набором компонентов: участники, место, время; считается, что при смене одного из компонентов происходит переход к другому тексту. Кроме того, диалогический эпизод характеризуется одной прагматической интенцией (М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова для городского стереотипа «Магазин» рассматривали интенции в терминах типа деятельности: выбор товара, покупка, оплата и т.п. [Китайгородская, Розанова 2010: 329]). Наконец, еще одним критерием эпизода выступают цельность и связность текста: в случае с диалогическим текстом они проявляются в коммуникативном вынуждении – поверхностной связности реплики-стимула и реплики-реакции [Борисова 2009: 20–21] – эта минимальная единица, на которую членится эпизод, И.Н. Борисовой названа микродиалогом [Борисова 2009: 18]). В нашем материале микродиалоги связаны не столько собственно лингвистиче-

ски (тема-рематически), когда рема стимула становится темой реакции (Инофон: *А у вас есть другая книга / тоже / про социолингвистика? // Потому что... // Библиотекарь: А кто там ещё? / Другая? //*), сколько прагматически (в рамках формул вежливости, стереотипных знаков начала или размыкания коммуникации: Инофон: *Драстье // Продавец: Здравствуйте //*) и ассоциативно (в комментариях, уточнениях, переспросах, например: Продавец: *Без алкоголя // «Дивные края» / как вот такие вот / «Родные просторы» вафельные вот / возьмём? // Инофон: Она вкусная? //*). Всего в общем объеме материала было выделено 90 диалогических эпизодов и 296 микродиалогов.

Так как в данном исследовании изучаются городские стереотипы практического характера, оценить наличие коммуникативной неудачи достаточно просто (в отличие от случаев фатического городского общения, когда оценить удовлетворенность коммуникантов общением сложно). Если практическая цель коммуникации (выбрать, купить, получить информацию) не достигнута, такой эпизод считается абсолютной КН. Если же в рамках коммуникации возникли сложности в интерпретации сообщения кем-либо из акторов, что привело к новому эпизоду (с наличием знаков непонимания, недовольства и т. п.), но в результате практическая цель все-таки была достигнута, такие коммуникативные фрагменты диалога рассматриваются как частичная КН. Преодоленная коммуникативная неудача отмечалась, если коммуникативный эпизод расширялся новым микродиалогом (уточняющим) или сохранял типичный для модели стереотипа объем, но содержал высказывания, сходные с теми, что послужили причиной полной или частичной коммуникативной неудачи.

Нарушение коммуникативных норм, как было указано выше, обычно приписывается инофонам, однако и русскоговорящие носители роли (продавцы, кондукторы, аптекари, кассиры) также не всегда следуют нормам коммуникации. При этом подчеркнем, что русскоязычные носители роли нарушают именно коммуникативные, но не языковые нормы: не реагируют на коммуникативное вынуждение в формулах вежливости, перебивают, исправляют иностранца, используют профессиональный жаргон, что может привести к частичной КН (пример 1).

- (1) Продавец: *Вот такая есть Кларанс // Есть... / Она ноль два //*
Инофон: *Ааа* (удивление или непонимание)

Словосочетание *ноль два* характеризует профессиональное знание продавца о каких-то характеристиках косметических средств, у покупателя же фоновые знания отсутствуют, и интерпретировать это замечание не сможет ни иностранец, ни носитель языка (*ноль два* чего?), что и приводит к частичной коммуникативной неудаче, маркированной паравербальными средствами.

В следующем примере коммуникативной неудачи при разговоре с консультантом в магазине спортивных товаров не произошло лишь благодаря акциональности диалога – использованию консультантом дейктических вербальных и невербальных средств (пример 2).

- (2) Инофон: (Подходит к консультанту, который идет мимо) *Драстуйте! А / вы нам не подскажите / где у вас воздушный змей? //*
Консультант: (ведет к стеллажам) *Вот // В спорте лежат // (показывает дальше на стеллажи) Последний // Где тарелки //*
Инофон: *Аха / с-сибо вам! //* (консультант уходит)

Интерпретация единицы *тарелки* стала возможной только после расспроса информанта: продавец имел в виду тарелки для фрисби.

Отметим, что случаи использования просторечных единиц русскоязычными участниками коммуникации не рассматривались нами как нарушения, так как китайские информанты, оказывается, тоже их активно используют.

Иностранцы могут нарушать и коммуникативные, и собственно лингвистические нормы – языковые (фонетические и грамматические) и речевые (прежде всего лексические).

Рассмотрим диалоги в соответствии с теоретическими основаниями: от полных КН к частичным, а затем к нарушению норм (которые могут и не приводить к КН).

В таблице представлены количественные характеристики успешности коммуникативных эпизодов (% рассчитывались по отношению к общему числу эпизодов).

Таблица
Частота разных типов коммуникативных эпизодов по степени успешности

Успешность	Частота	
	Абс.	%
Полная КН	4	4
Частичная КН	7	8
Преодоленная КН (ошибки)	31	34
Преодоленная КН (неузальные формулы)	25	28
Абсолютно удачная коммуникация	23	26
ВСЕГО	90	100

Полные КН наблюдаются в четырех из 90 коммуникативных эпизодов. Причиной двух из них является «наложение» коммуникативного поведения обоих участников.

- (3) Инофон: *А-а // Можно мне зелёный чай? //*
Продавец: *С мелиссой чай подойдёт? // (Китайка хмурит брови и делает головой движение в сторону) Простого зелёного нету / С мелиссой //*
Инофон: *Можно какой-то другое? (Думает, разглядывая полку с чаем) // Тогда / давайте простой! //*
Продавец: *Простой чёрный? //*
Инофон: *Зелёный // Ну давайте чёрный! //*
Продавец: *С-с мелиссой... //*
Инофон: *Н давайте (кивает головой) //*

В примере 3 китайка из-за сложностей с кодом (рецептивных, т. к. не понимает объяснения продавца, и продуктивных – называет вид чая *простой*, что не является точной референцией) не способна достичь практической цели (она хотела купить зеленый чай без добавок), а продавец нарушает принцип вежливости (игнорирует явные затруднения иностранки) и кооперации (настаивает на своем, нарушая локальную связность диалога, – в предыдущей реплике уже был выбран другой чай, а продавец вновь предлагает с мелиссой, не пытаясь помочь).

- (4) Инофон: *А вот ещё / у вас / такое расписание / на маленький / маленькая форма / есть? //*
То есть я / могу с собой / взять //
Кассир: *Э-э / на / что? // Вот / у нас / в июне / будет в основном / вот только фестиваль / Спивакова //*
Инофон: *Понятно //*
Кассир: *Вот будет фестиваль Спивакова / и ещё четырнадцатого июня будет / органичный концерт / и всё //*

В примере 4 в кассе филармонии китайка явно испытывает затруднения с лексикализацией – некорректно обозначает лист с расписанием концертов на месяц, что приводит к сложности интерпретации практического запроса (получение листа для ознакомления). Кассир на основе вероятностного прогнозирования переспрашивает, моделируя другой фрейм ситуации (не запрос расписания, а покупку билета: *на что?* – стандартный вопрос о билетах НА какой-то концерт), и начинает перечислять концерты. Китайка не прерывает кассира и даже использует знак понимания, в конце неуспешной интеракции благодарит:

- (5) Инофон: *А у вас кальсий есть? //*
Фармацевт: *Кальций? //*
Инофон: *Да //*
Фармацевт: *Есть // Вам какой-то надо / фирмы именно? //*

Инофон: Э-э / обычный можно // Можно мне / покажите? //

Фармацевт: Ну / обычный кальци-ий / вот такой (показывает) // Вам такой надо / дэ три? //

Инофон: Н-н да / но главное другое форму //

Фармацевт: Ну / вы тогда подойдите в тот отдел / девочка ещё вам что-нибудь покажет //

В примере 5 КН связана только с проблемами с продуктивным кодом у иностранки (и невозможностью понятно объяснить свои требования: на стимульную реплику о производителе лекарства китайка с ошибками отвечает *главное другое форму*). Однако провизор в данном случае избирает не агрессивную стратегию настаивания на своем, а, затрудняясь интерпретировать запрос покупательницы, просто прерывает контакт и отправляет ее в другой отдел.

(6) Инофон: Драсьте! // Можно мне / гречневая раша (вм. лапша) с куриса (вм. курицей) //

Кассир: С собой / здесь? //

Инофон: Здесь //

Кассир: (обращается к повару) Гречневая чё? //

Повар: С курицей //

Кассир: (обращается к инофону) Сто семьдесят девять //

В примере 6 КН практическая цель общения реализована все-таки была, но не в результате общения с иностранцем. В данном примере кассиром-продавцом кафе быстрого обслуживания была реализована крайне невежливая стратегия переспроса у наблюдателя (а не у иностранного участника коммуникации): пытаясь интерпретировать заказ китайки, сделанный с фонетическими и грамматическими ошибками, он обращается к повару (находящемуся в том же помещении), т. е. интеракция в эпизоде «заказ еды» была прервана эпизодом «выяснение деталей заказа» с другим участником (до этого – наблюдателем):

Как видим, со стороны иностранного участника каждый раз причина КН – вполне объяснимые сложности с кодом коммуникации, а со стороны русскоязычного участника – или реализация в коммуникации собственной модели ситуации (в буфете и филармонии), или игнорирование собеседника, избегание необходимости достичь понимания (в аптеке и кафе быстрого обслуживания).

Частичные КН наблюдаются в 7 коммуникативных эпизодах. Рассмотрим причины таких неудач.

В первом случае встретилось значительное несоблюдение принципа вежливости со стороны сотрудницы банка: она нарушает этикетные нормы – повышает голос и скандирует (типичный прием при общении с иностранцами, якобы

улучшающий понимание речи); к нарушениям этических норм можно отнести отсутствие попыток помочь (в результате китайка сама нашла выход из ситуации) и несимметричное полное отсутствие формул вежливости у русскоязычного члена коммуникации (пример 7).

(7) Инофон: Здравствуйте / можно обмен валюты? (показывает 500 евро и студенческий билет)

Сотрудница банка: Пятьсот евро без перевода не-е / не буду обслуживать // Мне нужно перевод (скандирует, повышает голос) паспорта и паспорт // Это (показывает на студенческий билет) не достаточно //

Инофон: У меня есть фото паспорта / можно? // Нет? //

Сотрудница банка: Я сижу здесь / вы понимаете / что здесь камеры // Я не могу без документа вас обслужить //

Инофон: Хорошо / спасибо //

(8) Продавец: Вот такая есть Кларанс // Есть... // Она ноль два //

Инофон: Ааа // (удивление или непонимание)

Продавец: Она / две девятьсот сорок девять стоит //

Инофон: Скока? //

Продавец: Две девятьсот сорок девять //

Во втором случае (пример 8) КН связана, во-первых, с использованием специальной лексики носителем профессиональной роли (ноль два), во-вторых, с ошибочной интерпретацией знака непонимания, т. е. эпизод выбора товара представляет собой следующую цепочку: непонятное высказывание, вызывающее недоумение (выражено паравербально) вызывает еще одно непонятное высказывание. Наблюдается ошибочная интерпретация паравербального знака продавцом на основе предшествующей интеракции (в предшествующем эпизоде китайка интересовалась ценой другого товара, в новой интеракции продавец также интерпретирует паравербальный стимул как запрос цены).

Подобным же образом невербальную реакцию китайки (желание посмотреть товар, взять в руки) аптекарь интерпретирует как непонимание ею вербального стимула (перечисление видов товара на выбор) и поэтому переформулирует свой вопрос, не давая времени покупателю на выбор, хотя китайка использует вполне узуальную разговорную форму *щас посмотрю* (см. пример 9).

(9) Инофон: Так / давайте / мне ещё / вот / ас-корбинка //

Фармацевт: Аскорбинка? // Таблетки? //

Инофон: Да / таблетки //

Фармацевт: Есть клубника / есть вишня... (выкладывает на прилавок) / арбуз // Какую вам? //

Инофон: Щас посмотрю // (берет в руки одну упаковку)

Фармацевт: С каким вкусом? //

Инофон: Давайте нам арбуз //

С неверной интерпретацией стимула в высказывании иностранца, теперь уже не паравербального или невербального, а многозначного вербального, связана частичная КН в кафе (пример 10), которая привела к увеличению времени коммуникации. Разговорную форму *ну давайте* можно интерпретировать и как полное согласие, и как вынужденное. Благодаря предыдущему микродиалогу, где была названа цена, официант интерпретирует высказывание китайки как косвенное несогласие и вводит новый микродиалог для подтверждения заказа.

- (10) Официант: *А / обезжиренное / получается / а // Можно / но цена будет / просто / другой // То есть / э / цена... / щас скажу / а / объём вас интересует стандартный / или большой? //*
Инофон: *Стандартны //*
Официант: *Сейчас / секундочку // Получается / двести девять / на / обезжиренном //*
Инофон: *Ну давайте //*
Официант: *Устроит вас? //*
Инофон: *Угу //*

В кондитерском магазине частичная КН (преодоленная) также связана с ошибкой интерпретации продавцом паравербального и невербального кода покупательницы-иностранки (см. пример 11): отказ сначала игнорируется, интенция отказа реализована только после применения китайкой вербального кода (пусть и с лексической ошибкой, но благодаря узуальной частице *лучше* интерпретируемого как отказ). Далее следует ряд уточняющих вопросов из-за неточного выбора лексических средств китайкой.

- (11) Продавец: *Давайте // Их можно и те и другие сделать / в один кулёчек // «Марсианка» / посмотрите! / Может «Марсианку»? //*
Инофон: *М-м (отрицательно качает головой) //*
Продавец: *И тёмную / и светлую / да / сделать? //*
Инофон: *Лучше шоколад //*
Продавец: *Не надо белую? // Всё? // Достаточно? //*
Инофон: *Да // Достаточно //*

Этот коммуникативный фрагмент входит в состав самого крупного в нашем материале диалога (о выборе конфет в кондитерском магазине), состоящего из 8 эпизодов. Именно в нем единственным реализовано два успешных фатических (а не практических) блока и один неуспешный; успешные инициированы продавцом, и китайка успешно их поддерживает, в одном случае (пример 12) используя невербальный код и отвечая на шутку, во втором (пример 13) – включаясь в обсуждение погоды.

- (12) Продавец: *Чуть-чуть / вот так / мою ладошку / да? //*
Инофон: *Да // Угу //*

Продавец: *Мою ладошку // У меня ладошка-то такая / хорошая //*

Инофон: (смеется) *Да / конечно хорошая //*

- (13) Продавец: *На улице тепло стало? //*
Инофон: *Холодно ещё / дождик щас //*
Продавец: *Ещё и дождь?! //*
Инофон: *Да //*
Продавец: *Ну и погода... //*

При этом при попытке китайки самой ввести фатическое шутовское общение (пусть и с грамматической ошибкой) продавец игнорирует коммуникативное вынуждение шутки, продолжая акциональное практическое общение (пример 14).

- (14) Продавец: *Так / вот эти вот «Дивные края» нужно... // Тем более они в акции! // Так / одиннадцать ишисят четыре // (продолжает взвешивать конфеты) Так / и вот это у нас новенькие... // Рецепт... / «Рецепт с печеньем» // Четырнадцать / девяносто четыре // «Русские традиции» вернее // «Русские традиции» номер два называется //*
Инофон: *Ну / такая хорошая название //*
Продавец: *А возьмите вот одну такую //*

Еще в одном случае (пример 15) частичная КН связана не с кодами коммуникации, а с экстралингвистическими условиями (что могло произойти и с носителем языка): незнанием ассортимента, что приводит к маркированному паравербальным средством затруднению в выборе товара. Стандартным способом преодоления КН здесь выступает стратегия перечисления, которая в данном случае и должна применяться носителем профессиональной роли.

- (15) Инофон: *Драсьте! // Можно мне / третий / ланч //*
Кассир: *Начинка какая будет? //*
Инофон: *Э-э //*
Кассир: *Сливочная курица / маргарита / вегетарианская //*
Инофон: *Курица //*

Таким образом, частичная КН, разрешаемая путем введения дополнительных эпизодов, чаще всего обусловлена неверной интерпретацией невербального кода или его игнорированием, в одном случае – игнорированием коммуникативного вынуждения (вероятно, произошедшего из-за ошибок в стимульной реплике иностранца), что при практической коммуникации скорее воспринимается как вежливость (см. далее), а в случае с фатической коммуникацией – как невежливость.

Далее рассмотрим эпизоды, которые могли бы привести к КН, но они были преодолены.

Преодоленная КН (ошибки). Поскольку стимулирует практическую коммуникацию в основном клиент, причинами преодоленных КН выступают специфические затруднения в речи инофонов.

В 34% случаев иностранцы испытывают явные затруднения, связанные с продуктивным кодом – русским языком, на котором приходится общаться. По частоте ошибок в речи китайцев преобладают грамматические (48%), лексические (неверный выбор слова, 36% случаев) и фонетические (16%). Нас интересует коммуникативное поведение собеседников в случае ошибок в высказываниях иностранцев. В 35% случаев собеседник не реагирует на ошибки (считаем этот вариант самым вежливым), но это возможно, только если конституция помогает интерпретировать высказывание (см. примеры 16 и 17).

- (16) Инофон: *А! / Да! / Ещё / девушка // Мне ещё нужен зубная паста // А / рокс (Rocs) / идёт / активный кальси (вм. кальций)? // То есть в синей коробке? //*
Фармацевт: *Да / есть у нас // (показывает, где лежит товар) Вот такой //*
- (17) Инофон: (смотрит на упаковку) *Они нормально для старый человек? //*
Фармацевт: *Лучше форте тогда взять / которые / вот такие / с лимоном // (показывает другой препарат) Вот такие лучше взять //*
Инофон: *А чем они отличают (вм. отличаются)? //*
Фармацевт: *А тут / э / повышенная дозировка витамина дэ // Они лучше усваиваются // Как раз для пожилых они //*

Если же интерпретировать высказывание затруднительно, продавцы, кассиры и др. столь же часто (в 35% случаев) используют стратегию переспроса – уточняющего перифрастического вопроса (пример 18).

- (18) Кассир: *Вот есть маечка за два пятьдесят // Пакетик более плотный (показывает пакеты) //*
Инофон: *Нет / нам простой //*
Кассир: *Обычный? //*
Инофон: *Да / обычный //*

Или, в случае с проблемами лексикализации у китайки (ей показывали конфеты в коробках, а она хотела посмотреть развесные), продавец подсказывает слово (пример 19).

- (19) Инофон: *Можно / не в пачке / а там... //*
Продавец: *Конфетки можно? //*
Инофон: *Уху //*

Эту тактику можно охарактеризовать как контролирующую код коммуникации: вопрос-уточнение отражает ту же пропозицию, что в стимульной реплике иностранца, но с использованием другой лексики и часто более развернутую, неэллиптированную (см. пример 20).

- (20) Инофон: *А / можно мне / латте классический / маленьки //*
Официант: *Угу // А / ещё / плюс // Или как? //*
Инофон: *Ну-у / отдельно //*
Официант: *А / понял // Получается ещё / мы вам / а-а / делаем один на обезжиренном / и один / вот такой вот / да? (показывает строку в прейскуранте) //*
Инофон: *Да //*

Близка этой тактике и тактика переспроса-исправления, используемая в 26% случаев реакций на ошибки в репликах иностранца. Она отличается от переспроса-уточнения использованием той же лексики, что и в стимульной реплике иностранца, но в правильной форме (пример 21, 22).

- (21) Официант: *Хорошо // А карточка / или «Алендвик» будет у вас / скидочная? //*
Инофон: *Карта «Алендвик»? //*
Официант: *Да // «Алендвик» //*
- (22) Инофон: *Драсьте / девушка // Можно мне / медицинская маска... //*
Фармацевт: *Угу //*
Инофон: *А-а // Одна штука //*
Фармацевт: *Одну? //*
Инофон: *Да //*

В примере 23 библиотекарь прерывает явно тяжело дающееся иностранке высказывание, так как есть опора на другой вербальный знак – список литературы. Подобного рода реакции на ошибки в коде в нашем материале составляют 4%.

- (23) Инофон: *А у вас есть канига (вм. книга) «Социоллингвистика» (вм. социоллингвистика)? / у-у / (протягивает листок с выписанными библиографическими данными книги) Беліков и... //*
Библиотекарь: (берет листок) *Угу // (уходит)*

Преодоленная КН (неузуальные формулы).

Следующим типом микродиалогов, которые приводят к коммуникативной неудаче, являются тексты с использованием клишированных, но неуместных высказываний. В 28% эпизодов китайцы используют неузуальные формы в рамках стереотипов. Данная группа выделена потому, что эти высказывания не содержат языковых и речевых ошибок, являются стереотипными, но используются в неузуальном коммуникативном акте. Во всех случаях русскоязычными членами коммуникации избирается тактика игнорирования, оставления без внимания нетипичной формы.

По-видимому, для объяснения этого явления необходимо использовать прагматическое понятие макроинтенции, которая в речевой коммуникации может реализовываться с помощью микроинтенций (отличающихся тональностью, вежливостью и другими коммуникативными катего-

риями). Коммуникативная неудача не происходит, так как макроинтенция была выбрана иностранцем и интерпретирована русскоговорящим верно, как, например императив *давайте*, используемый китайкой для сопровождения действия, интерпретируется как форма макроинтенции согласия (пример 24).

- (24) Инофон: *У меня по карте* //
Официант: *Хорошо // Разрешите?* (о карте) //
Инофон: *Давайте* // (даёт карту)

Достаточно невежливая формула выбора товара в императиве воспринимается фармацевтом однозначно как реализация макроинтенции выбора (пример 25).

- (25) Инофон: *А! // Давайте мне / вот эта паста / на кассе* //
Фармацевт: *Угу // Хорошо // Ещё что-то?* //
Инофон: *Всё* //

В другом случае на стимульную реплику официанта – стереотипный косвенный сигнал готовности принять заказ – китайка нарушает нормы коммуникации (не делает заказ), но подтверждает контакт, после чего официант продолжает уточнять детали заказа, дождавшись собственно выбора товара через один микродиалог (пример 25).

- (26) Официант: *Для вас / что-нибудь* //
Инофон: *Да-а* //
Официант: *Вам с собой?* //
Инофон: *Да / с собой* //
Официант: *Угу* //
Инофон: *Можно мне...* //

Абсолютно успешная коммуникация. Из всех рассмотренных микродиалогов 26% являются абсолютно успешными: в этих диалогах и иностранцы используют адекватные средства коммуникации, и носители русского языка не нарушают норм коммуникации. Заметим при этом, что китайцы, живущие в России, усваивают частотные, но не всегда литературные формулы в рамках городских стереотипов, вероятно, не в рамках вузовского обучения, а из узуса (пример 26).

- (27) Консультант: *На какой возраст-то берёте?* //
Инофон: *А-а / шесть* //
Консультант: *Не маленький будет?* (рассматривает коробку) // *В принципе тут шесть плюс...* //
Инофон: *Мы посмотрим / можно? /*
Консультант: *Да* // (рассматривают самокат вместе) *Хоп* // *И ручка поднимается* (демонстрирует, как регулируется руль) // *Здесь вот / фиксируется / выше поднимается* //
Инофон: *М / дак она выпрямляется* //

Консультант: *Ну то есть максимум / вот до сюда / вот это вот ещё увеличится / вот расстояние настолько* //

Инофон: *Аха // Понятно* // (рассматривает самокат, трогает) *Мы берём на подарок / поэтому лучше всё проверять...* // (пробует сложить самокат) *Не / не хочет* // (консультант помогает) *Давайте / угу / беру* //

Итак, в статье был предложен критерий оценки частоты КН в разных по объёму городских стереотипах: даны критерии выделения диалогических эпизодов при практическом общении в городе и по отношению к количеству коммуникативных эпизодов рассмотрено количество полных, частичных, а также потенциальных (но преодоленных) КН.

Полных КН в нашем корпусе встретилось не слишком много, и их причинами в двух случаях стали нарушения кода иностранцами и коммуникативных норм – носителями русского языка, еще в двух – только носителями русского языка. Вместе с тем при использовании русскоязычными участниками коммуникации вполне стандартных тактик избегания КН (их набор невелик – всего четыре: игнорирование, перефразирование, повтор-исправление, опора на конситуацию) даже в случае ошибок в стимуле общение протекает вполне успешно. Нарушение коммуникативных норм иностранцами (выбор неверного речевого акта в рамках реализации макроинтенции) практически не приводит к КН, не требует расширения диалога. Почти в четверти случаев иностранные студенты демонстрируют полную адаптированность к городской коммуникации.

В данной статье как основная причина КН анализируются не только ошибки иностранцев, но и коммуникативное поведение обоих участников (заметим, что случаи полных КН обусловлены двусторонним процессом – с одной стороны, ошибкой иностранца, с другой – нарушением коммуникативных норм со стороны русскоязычного коммуниканта). Большее число потенциальных КН в микродиалогах, также содержащих ошибки иностранцев, было преодолено благодаря тому, что носителей русского языка пытаются помочь иностранцам, не обращают внимания на их неточности, что заставляет надеяться, что иностранцы на улицах российских городов чувствуют себя в целом достаточно комфортно.

Список литературы

Богданова В.А., Кочеткова Т.В. Взаимодействие этических и коммуникативных норм // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С 197–211.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

Захарова Е.П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи / отв. ред. В.Е. Гольдин. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 76–80.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллект. моногр. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 536 с.

Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131–136.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

Кънчева Н. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 19 с.

Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи / отв. ред. В.Е. Гольдин. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 2. С. 66–88.

House J. Toward a Model for the Analysis of Inappropriate Responses in Native / Nonnative Interactions // *Interlanguage Pragmatics* / G. Kasper, Sh. Blum-Kulka (eds.). NY; Oxford: Oxford University Press, 1993. Pp. 161–183.

Kořenský J. a j. Komplexní analýza komunikačního procesu a textu / Kořenský J., Hoffmannová J., Jaklová A., Müllerová O. České Budějovice: Pedagogická fakulta JU, 1990. 150 s.

THE CAUSES OF COMMUNICATIVE FAILURES IN URBAN STEREOTYPES INVOLVING FOREIGNERS

Ekaterina S. Khudiakova

Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

The article considers the causes of communicative failures in urban stereotyped communicative situations (urban stereotypes) with the participation of foreigners (the Chinese). Classification of communicative failures according to the degree of achievement of the communication goal is given: from absolute communicative failure to absolutely successful communication. Frequency characteristics of each type of communicative failures are given: it is shown that absolute communicative failure is the rarest case in urban communication. Overcome communicative failures and absolutely successful communication occupy the leading place in urban communication. The article describes the causes of each type of communicative failures: in case of absolutely unsuccessful communication the reason is violating the communicative norms by native Russian speakers and the linguistic norms by foreign speakers. The overcome communicative failures are caused by violating linguistic or communicative norms by Chinese native speakers and simultaneous usage by the Russian participants of the 4 tactics: ignoring the error, repeating the question, explication, or relying on the consituation.

Keywords: communicative failure; urban stereotype; communicative norms; strategies of compensating communicative failures; dialogic communication.